

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ЧАСТИЧНАЯ БЛАГОДАТЬ»

В последнее время появилось странное учение о «частичной благодати», пребывающей в инославных конфессиях и сектах, как остаточном явлении первоначально единой Церкви. Это похоже на следующее сравнение: в ручье вода покрывает только стопы, в речушке доходит до колен, в более многоводной реке — до плеч, а в глубокой — покрывает человека с головой; таким образом, получается, что разница между Православием и инославием — это разница в степени интенсивности благодати. Такой подсчет количества благодати звучит, как насмешка.

Учение о «частичной благодати» похоже на учение об относительной истине в философии, которое в своем логическом завершении приводит человека к агностицизму и скептицизму. «Частичная благодать» — значит, неполная, несовершенная благодать, что является абсурдом. Благодать — это вечная Божественная сила и энергия, истекающая из недр Божественного Существа. Это нетварный Фаворский свет, в котором Христос явил Свое Божество. Православная Церковь, следуя учению святителя Григория Паламы и афонских исихастов, подтвержденному на целом ряде поместных Константинопольских Соборов

(созывавшихся по этому поводу в XIV столетии), назвала благодать божеством. Может ли Божество быть ущербным, ограниченным и частичным? Другое дело, что благодать может проявляться в различных действиях и свойствах, но в своей природной неделимости она абсолютна.

По учению католицизма, благодать сотворена и адекватна Божественному действию, следовательно, является служебной силой, а не обращенной к миру модальностью Божества. Благодать названа божеством, и если при этом она ограничена и несовершенна, значит, ограничено и несовершенно Само Божество, а это уже лжебожество. Поэтому признавать за инославными конфессиями благодать, но не Божественную и не абсолютную, а какую-то иную — значит приписывать их культурам псевдобожественную силу.

Говорить о действии в различных конфессиях одной и той же благодати — значит уравнивать Православие с ересью и уничтожать само понятие Церкви. Есть еще один вариант либерального богословия: допустить, что в различных конфессиях действует Божественная абсолютная благодать, но ересь препятствует людям усвоению этой благодати, и они приобщаются к ней только частично, в той степени, в какой их конфессия приближена к Православию. Но здесь возникает вопрос: спасительна ли для них в таком случае благодать? Если да, то почему же Церковь так тщательно ограждала себя от ересей? Ведь тогда получается, что слово «ересь» вообще теряет свое зловещее значение, а становится просто наименованием некой «истины

второго разряда» (как говорят торговцы, «продукта второй свежести», который не очень приятно пахнет, но есть его все же можно).

Однако Церковь учит, что Дух Святой — это Дух Истины, Который не может действовать в поле духовной лжи. А ересь — метафизическая ложь. Приведем пример: еретик Аполлинарий учил, что Христос воспринял человеческое тело и душу, за исключением человеческого разума, который заменил Его Божественный ум. Насчет этого учения святитель Григорий Богослов говорит: значит, Христос воспринял не всего человека, а человека без разума; если у Христа нет человеческого ума, то, следовательно, и мой ум не целен, если Христос не совершенный человек, то, значит, я не спасен (перифраз).

Ересь — интеллектуальный, догматический грех, мысленное тление, ложь рассудка, при которой освящение благодатью ума, а следовательно, и души — невозможно. Ум, верующий в ложь как в истину, противится действию благодати. Само спасение — это синергия благодати и человеческой воли, покорной благодати. Освящение ума возможно при синергии богословской истины, в которую включен ум, и благодати Божией, а эта синергия возможна лишь при наличии всецелой догматической правды, при включении своего малого разума в великий разум Церкви («Церковь имеет ум Христов» [см.: 1 Кор. 2, 16]). Вера в ложь сочетает ум с ложью, поэтому исключает синергию сознания и благодати. Следовательно, ум еретика остается невозрожденным. На что же

тогда действует благодать, что она освящает? Если душу без ума — то такой души не существует. Несколько отвлекаясь от нашего предмета, скажем, что даже безумие и сумасшествие — это не отсутствие ума в душе, а повреждение той пограничной области между душой и материей (телом), где происходит восприятие и усвоение внешней информации и ответная реакция организма на внешние раздражители, где образуется профористическое слово; безумие поражает не ум, а систему сигнальной связи — инструмент души.

Разговор о том, что в ереси существует благодать, а еретик не может воспринять ее, больше похож на сказку о лисе и аисте: еда стоит на столе, а гость остается голодным.

И вообще учение о частичной и неполной благодати вызывает недоумение. В день Пятидесятницы Церковь (в лице апостолов и учеников Христовых) получила ту полноту благодати, которая сделала ее единой с Церковью Небесной и дала право называться Телом Христа Спасителя. Неполным может быть, и, в сущности, всегда бывает, приобщение человека к благодати из-за его ограниченности, несовершенства и греховности. Но здесь не благодать несовершенна, а человек. Однако сама вечная жизнь является вечным восполнением благодатью несовершенства и ограниченности человека.

Если благодать частична, остаточна и скудна, то она и спасать может только частично, но того частичного спасения Православная Церковь не знает и третьего состояния по смерти, кроме

рая и ада, не признает. Если судить о действии благодати по внешнему фрагментарному сходству инославных конфессий с Православием, то получится представление о благодати, как о некой материальной, но тонкой энергии, вроде какого-то эфирного электричества. Соблюдены определенные условия — заработала машина, и по проводам потекло электричество. Чем дальше конфессия и секта от Православия — тем хуже качество проводника и менее интенсивно напряжение тока. Здесь исключается Бог как Глава Церкви, здесь Церковь из живого, единого организма превращается в механизм, может быть, лучший среди других, но не единственный. Признание ответственности совершающихся в различных конфессиях таинств по признаку их «сходства» с Церковью превращает мистику в магизм, так как магизм — это подчинение сущности форме.

Теософия говорит о том, что никакая религия не обладает полной истиной, а только относительной истиной, — следовательно, уравнивает религии в их несовершенстве. И экуменизм, будучи частным случаем теософии, в своей радикальной форме говорит о том, что ни одна религия не совершенна, поэтому конфессии должны учиться друг у друга; а в «либерально-половинчатой» форме он допускает, что определенные конфессии имеют некое преимущество (в том числе православные, участвующие в экуменическом движении, считают, конечно, что Православие — высшая форма христианства).

Если предположить, что это действительно так и различие между Православием и инославием заключается в большей или меньшей степени действия благодати, то вся история Церкви до XX века представляет собой или недоразумение, или вопиющий грех против любви. Разве возможно приносить анафему на еретиков из-за того, что в них меньше действует благодать? Однако допустить такое понимание — значит отказать от самого понятия Церкви как мистического Тела Иисуса Христа Спасителя и превратить ее в человеческое общество, вроде клуба, партии или ассоциации.

Если возможно спасение в других конфессиях, то анафема, произнесенная Церковью на еретиков и повторяемая ежегодно в Неделю Православия, больше походит на братоубийство. Почему древняя Церковь отсекала еретиков от своего тела, как гангренозные члены? Неужели она имела меньше любви, чем современные екуменисты? Апостол любви Иоанн Богослов запрещал христианам вводить в свой дом еретиков и даже приветствовать их (см.: 2 Ин. 10), а ведь он был любимым учеником Христа Спасителя. Значит, христианская любовь есть нечто иное, нежели либеральный индифферентизм к вере, который под видом любви прячет свое безразличие к истине.

Величайший из преподобных — Антоний Великий — вышел из пустыни, чтобы обличить арианскую ересь. Святитель Николай проявил особую ревность о Православии на I Вселенском

Соборе. Можете ли вы представить экуменическое собрание, на котором святитель Николай и Арий, взявшись за руки, скандируют экуменические лозунги и заявляют, что надо больше обращать внимания на то, что соединяет, а не на то, что разъединяет?

Первоверховный апостол Петр порастил на смерть своей молитвой гностика Симона Волхва. Как переносит такой поступок первоверховного апостола «нежная» душа экумениста-либерала, с умилением наблюдающего за ритуальными плясками язычников-шаманов во время экуменических съездов?!

Если в Церкви полнота благодати, а в ереси частичная благодать, то получается, что благодать разделилась и большая благодать предает анафеме меньшую. А ведь церковная анафема — это образ и символ Страшного Суда.

Затем перед нами встает еще один недоуменный вопрос: зачем дана инославным конфессиям «неполная, частичная благодать» — если не для спасения, то, значит, для большего осуждения? Тогда она превращается в наказание Божие, тогда язычникам будет лучше, чем инославным, которые гибнут с такой «благодатью». Церковь одинаково почитает мучеников, принявших смерть как за отказ принести жертву идолам, так и за отказ перейти в инославие, скажем, в форме унии. При этом она не учитывает, какую религию примет отступник от Православия, ибо он все равно — отступник; ведь грех самоубийцы одинаково

страшен независимо от того, отравился он, повесился или бросился со скалы.

Вопрос можно поставить еще и так: являются ли инославные вообще христианами? Если христианство означает веру в Христа Спасителя, то они христиане. А если под христианством понимать мистическое отображение образа Христа в душе человека и общение с Духом Святым, то это возможно только в Православной Церкви. Некоторые утверждают, что монофизитство — ересь, так как оно было осуждено на IV Вселенском Соборе, а католичество нельзя назвать ересью, так как отпадение Римского патриархата произошло после Вселенских Соборов, и поэтому, дескать, вопрос остается открытым. Этот довод кажется нам ошеломляющим. Ведь протестантизм возник еще позже, значит, согласно такой логике, протестанты не еретики. А такие сектантские организации, как «Свидетели Иеговы», «Армия спасения», в метриках которых указан XIX век, а секта «Христос — космонавт» — порождение XX века, — значит, тоже не ереси, потому что Вселенские Соборы не могли предать их учение анафеме?! Что же касается конкретно католичества, то в соборных постановлениях неоднократно повторялось запрещение изменять Символ Веры как основу догматического единства. Уже в этом католицизм противопоставил себя Вселенской Церкви. На Православных Соборах и совещаниях Восточных Патриархов католицизм назван латинской ересью и папизмом.

(См., например, «Окружное Послание Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам» 1848 года, подписанное Восточными Патриархами и их Синодами.)

Мы считаем, что учение об «относительной благодати» влечет за собой учение об относительном спасении (то есть вариант католического учения о чистилище, осужденного Церковью).

Совершаются ли Таинства в инославных конфессиях? Если да, то это будут странные таинства, которые не спасают. Неусвоенное человеком Таинство не приближает, а отдаляет его от Бога, может служить, скорее, предвестием будущего наказания.

Что же действует в этих конфессиях, какая сила? Думаем, что там объединяет людей поле душевного вдохновения, похожего на творческое переживание. Там могут быть яркие эмоции, глубокие медитации, доходящие до интеллектуального экстаза и стигмации; может быть душевная любовь, проявляющаяся в подвиге самопожертвования. Но там нет жизни Духа — все поглощено душой. Почему святые отцы запрещали христианам молиться и в языческих капищах, и в еретических собраниях, не делая различия между включением в языческий и еретический ритуалы и налагая одинаковые наказания? Потому что язычество — это отсутствие истины — Христа Спасителя, а еретичество — имитация истины, но всякая имитация — духовная ложь.

Категоричность, с которой Церковь запрещала молиться вместе с язычниками, еретиками,

раскольниками и вообще всеми, отлученными от нее, свидетельствует о том, что это не простой «педагогический прием», а реальное видение того, что вне Церкви нет и не может быть спасения. Молитва с еретиками — это добровольное вхождение в ту область душевных страстей и темных сил, которая простирается за царством Логоса, за световой границей Церкви. Молитва с еретиками и язычниками подразумевает сомнения в существовании единой истинной Церкви. Церковь — это мистическое Тело Бога. Только через Церковь истинный образ Христа может отобразиться в душе человека; в других конфессиях этот образ искажен и подменен, хотя и носит то же имя.

Вера в спасительность других конфессий или хотя бы в возможность «частичного» освящения в них представляет собой эkkлесиологический политеизм.

Через священника действует благодать, присущая Церкви. Саму благодать можно назвать духовной субстанцией Церкви. Соборными правилами запрещено брать благословение у еретика, так как «благословение еретика — суесловие». (Слово «суетное» означает «пустое, бессильное, бесцельное, ничтожное, обманчивое» и выражает собой самую сущность ересей как метафизической пустоты.) Уже отцы древней Церкви сказали: «Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец».

Вечная жизнь — это вечное приобщение благодати, которое начинается здесь, на земле, и не имеет конца. К Богу Отцу можно прийти только через Иисуса Христа в благодати Духа Святаго.